

УДК 94(571.1) «18»

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКОГО ЛИНЕЙНОГО КАЗАЧЕСТВА В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

С.М. Андреев

Омская академия МВД России
E-mail: andreev3812@rambler.ru

Рассматривается малоизученная проблема истории сибирского линейного казачества: механизмы «искусственного» роста его численности в дореформенный период. Особое внимание уделено правительственным мероприятиям по массовому зачислению в войсковое сословие государственных крестьян.

Сибирское казачество всегда представляло собой достаточно сложный социальный организм. Без комплексного изучения его структуры невозможно полно раскрыть особенности демографических, социально-экономических, социально-политических процессов, протекавших в Сибирском казачьем войске в XIX – начале XX вв. Данная статья посвящена одному из аспектов этой проблемы – выявлению основных источников формирования сибирского линейного казачества в дореформенный период, заложивших основу его полиэтничности и поликонфессиональности.

Одной из причин создания Сибирского линейного казачьего войска являлся начавшийся в 1808 г. вывод регулярных армейских частей из Сибири на западные границы Российской империи. Оставаясь единственной кавалерией в крае, 6000 казаков должны были осуществлять «беспрестанное охранение границ» – сибирских пограничных линий, протяженность которых составляла 2400 верст. Ограниченная численность сибирских линейных казаков на долгое время обусловила бессрочный и бессменный характер их службы. В этих условиях вновь образованное войско постоянно нуждалось в увеличении численности своего строевого состава.

Текст положения о Сибирском линейном казачьем войске (1808 г.) указывал лишь два возможных источника дальнейшего пополнения казачества. Главным из них являлся естественный прирост: при запрете выхода из войскового сословия его численность должна была увеличиваться, в первую очередь, за счет казачьих детей. В качестве другого источника «приумножения сего войска» рассматривалось добровольное зачисление в его состав казахов и калмыков. Ввиду этого войсковой канце-

лярии предписывалось «... прилагать возможные способы склонять иноверцев из-за границы к переселению и обращению в нашу веру» [1].

Чаще всего, добровольно вступавшими в войсковое сословие были казахи-джатаки, из-за своей крайней бедности не имевшие возможности кочевать в степи и осевшие при линейных крепостях и редутах в качестве наемных работников. Они зачислялись в войско по материальным соображениям, например, рассчитывая на получение продовольствия для себя и своих детей (по положению 1808 г. казачьи дети возрастом от 2 до 17 лет обеспечивались продовольствием за счет казны). По подсчетам Г.И. Успеньева, «новокрещенные киргизы» и их сыновья, числившиеся уже в качестве «казачьих детей», в 1831 г. составляли около 4 % сибирских линейных казаков [2].

Зачисленные в войско казахи, как правило, не включались в строевой состав полков. Служба в строю ожидала лишь их детей. Это было связано с трудностями как материального, так и служебного свойства (отсутствие у новоиспеченных казаков средств на приобретение лошади, обмундирования, снаряжения, незнание русского языка и пр.). Войсковое начальство старалось включить их в разряд резервных казаков, чей труд широко использовался для поддержания и развития войскового хозяйства. Однако большинство приписанных к войску казахов, даже несмотря на свой молодой возраст, стремилось избежать зачисления в этот разряд и сразу войти в число «уволенных от службы», т.е. отставных казаков.

Командиры полков, понимая сложность ситуации, были вынуждены поддерживать их в этом стремлении. Так, в октябре 1830 г. командир 4 пол-

ка сотник Жуков ходатайствовал перед войсковой канцелярией о зачислении 5 «новокрещенных киргиз», живущих в крепости Новониколаевской, сразу в отставные казаки. «В первобытном состоянии, — отмечал Жуков, — находились они у русских по срочным работам, ...окрестились в чаянии, чтобы причислить их в уволенные казаки, где бы они могли снискать себе пропитание, обзавестись по времени домашностью, как и прочие христиане». Командир полка был убежден, что при зачислении этих казахов в резервные казаки «...не надобно будет ожидать от них хорошей жизни, ибо они разговору русского мало знают, состояние имеют худое, то и не могут нести наравне с резервными казаками никакой службы, кроме того, что лишатся последнего их бедного имущества и впадут в развратное поведение; после сего и нельзя будет приохотить, если бы кто и еще из киргиз пожелал окреститься, то совершенно должен будет остановиться». Войсковое начальство согласилось с аргументами Жукова и поддержало его предложение [3].

Порядок зачисления казахов в войсковое сословие был единым для всех полков. Непременным условием было их предварительное добровольное крещение, при котором они получали русское имя и фамилию. По фамилии давалось и отчество, например, Антонов Родион Антонович. Если вступающие в войсковое сословие имели семьи, то православие принимали и их жены и дети. Затем в присутствии полкового или эскадронного начальства казахи давали подписки о зачислении в казаки. Ставшие казаками казахи иногда сами, а чаще их сыновья, женились на русских казачках (при анализе формулярных списков казаков за 1831 г. Г.И. Успеневым выявлено 25 таких браков). Пожалуй, самым показательным примером такого вступления в войсковое сословие стало зачисление в казаки 22-летнего казаха из редута Тулатинского 9 казачьего полка. Будучи крещеным 6 июля 1830 г. и получив имя Владимира Степановича Степанова, он уже 8 июля был повенчан с дочерью уволенного казака Ефима Веригина Аленой, а 12 июля дал подписку о согласии на причисление в уволенные от службы казаки [3. Л. 2–2 об.].

Следует отметить, что обязательным условием обращения казахов в казаки было не только их крещение, но и их «неприписанность ни в какой род жизни». В каждом конкретном случае войсковая канцелярия запрашивала соответствующие органы гражданского администрирования (например, казенную экспедицию Омского областного правления) о том, не записан ли тот или иной новокрещенный казах в крестьяне, мещане. Зачисление казаха в войско происходило только при получении отрицательного ответа из этих учреждений [3. Л. 23].

Другой категорией «азиатцев», принимаемых в казачье сословие, были казахи и калмыки — вольноотпущенные дворовые люди армейских и казачьих офицеров, чиновников, купцов, а также их дети. 23 мая 1808 г. покупка детей казахов или калмы-

ков представителями свободных сословий была ограничена обязательным условием: по достижении 25-летнего возраста эти дворовые люди вне зависимости от желания их владельца должны были быть отпущены на волю с припиской к тому или иному сословию [4. С. 228–229]. 8 октября 1825 г. это было подтверждено Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета [5]. Часть лиц, получивших вольную, ходатайствовала о зачислении их в сибирские линейные казаки. Например, в 1830 г. были записаны в войсковое сословие поселившиеся в редуте Новорыбинском отпущенные на волю дворовые хорунжего Симонова калмыки Елизавета Федорова и ее 7-летний сын Павел Алексеев, жившая в крепости Становой бывшая дворовая хорунжего Чернухина казашка Надежда Иванова с сыном Андреем Рудаковым, получившие свободу дворовые люди коллежского секретаря Экатова казахи Федор Петров и Александр Степанов и другие [3. Л. 32, 43, 47, 49]. В 1835 г. в войско были зачислены бывшие дворовые вдовы обербергмейстера Ульяновой калмыки Степан Денисов и Авдотья Анофриева, отпущенный на волю дворовый войскового старшины Куликова калмык Василий Петров с сыном, «отсуженный» из владения вдовы губернского секретаря Сажиной по решению окружного суда дворовый из калмык Петр Гаврилов [5. Л. 21, 24, 69].

Еще одной категорией лиц, поступавших в Сибирское линейное казачье войско, были незаконнорожденные дети, чьи матери (казачки, солдатки, проживавшие в казачьих поселениях) или иные родственники изъявляли желание записать их в казачье сословие, а также усыновленные казаками подкидыши. Хотя этот незначительный источник пополнения казачества и не упоминался в положении 1808 г., подобная практика не нарушала букву закона. Однако, в том случае, если выяснялась сословная принадлежность усыновленного ребенка, бывший подкидыш исключался из списка казачьих малолетков. Например, в мае 1823 г. корпусным командиром было удовлетворено прошение урядника 10 полка Козьмы Севергина об усыновлении подкинутого к нему в декабре 1818 г. мальчика и о зачислении его в разряд малолетних казачьих детей. В 1834 г. выяснилось, что мальчик не был подкинут, а был тайно передан казаку на воспитание крестьянкой горного ведомства. Мальчик, как принадлежащий по рождению к числу горнозаводских крестьян, был исключен из войска и передан в ведение Горного правления Алтайских заводов. Севергин за введение войсковых властей в заблуждение был наказан [5. Л. 3].

В этой связи следует отметить, что, несмотря на заинтересованность в увеличении численности линейного казачества, войсковое начальство нередко было вынуждено отказывать желающим вступить в казачье сословие, и, в первую очередь, представителям податного населения — государственным, горнозаводским крестьянам и ясачным. Объясня-

лось это тем, что положением 1808 г. подобных перечислений из одного сословия в другое не предусматривалось. В 1813 г. была отклонена просьба проживавшего в редуте Бехтемирском ясачного Филата Манеева о зачислении его с четырьмя сыновьями в состав линейного казачества [6. С. 280]. В декабре 1835 г. войсковая канцелярия рассмотрела прошение казачки редута Камышловского Настасьи Тонконоговой о зачислении усыновленного ею малолетнего внука в казачье сословие. При рассмотрении дела выяснилось, что дочь просительницы вышла замуж за поселенца, и что ее сын родился через 24 дня после замужества. А потому войсковой канцелярией было решено «...на основании штата о казачьем войске, как мальчик сей принадлежит гражданскому ведомству, предписать командиру 3 полка, не причисляя внука ее по спискам, отказать в просьбе ей» [5. Л. 17–17 об.]. Незадолго до этого, в ноябре 1835 г., было отказано в зачислении в казачье войско государственному крестьянину Ивану Казакову и его детям. По той же причине — «за силою штата о казачьем войске» — в ряде случаев не были удовлетворены и прошения представителей неподатных сословий. Например, в 1835 г. не получил согласия войскового начальства на перевод в линейные казаки урядник Томского городского полка Антон Бызов [5. Л. 16–16 об.].

Исключения из этих правил были крайне редки и допускались только в том случае, когда санкционировались Высочайшими повелениями. Так, в 1829 г. лишь Высочайший указ поставил точку в длившемся несколько лет деле о зачислении крестьянина Григория Бабаковского с сыновьями в «казачье звание» и решил его в пользу крестьянина [6. С. 283].

В 1819 г. было разрешено переходить в войсковое сословие отставным солдатам и их детям, проживавшим в районе сибирских пограничных линий. Обязательным условием для этого было согласие казачьих обществ, на землях которых желали водвориться бывшие егеря, мушкетеры и драгуны [7. С. 114].

В течение нескольких десятилетий зачисление в состав Сибирского линейного казачьего войска носило преимущественно добровольный характер. До середины 1840-х гг. принудительное обращение в казаки происходило лишь дважды. Именно таким образом — на основании Высочайших повелений — войско пополнилось военнопленными поляками.

В первом случае это были пленные наполеоновской армии, которые в октябре 1813 г. — марте 1814 г. несколькими партиями, формируемыми в Тобольске, отправлялись на службу в полки Сибирского войска. В общей сложности в течение полугода в его состав поступило около 850 поляков. Однако уже через несколько месяцев на основании Высочайшего указа от 17 августа 1814 г., по которому военнопленным было разрешено возвратиться на родину, «казачья» эпопея для большей части поляков закончилась [8]. «На вечном жительстве при пол-

ках» остались лишь те поляки, которые «приняли присягу на вечное России подданство и обязались остаться навсегда в войске». Весной 1823 г. в Сибирском войске на службе и в отставке числилось 127 бывших военнопленных, большинство из которых женились, обзавелись домами и хозяйством.

Вторая группа поляков вошла в состав сибирского линейного казачества в ноябре 1831 — марте 1834 гг. после подавления в 1831 г. восстания в Польше. В войско прибыло 367 человек — пленных нижних чинов польских национальных частей [9]. Некоторые из них уже вскоре были отправлены на родину. Остальные, прослужив казаками 10–11 лет, по распоряжению правительства в 1842 г. вместе с семьями были исключены из войскового сословия и переведены солдатами в сибирские линейные батальоны [10].

Впервые вопрос о необходимости значительного механического увеличения численности сибирского казачества был поднят в начале 1836 г. генерал-майором В.И. Гурко, ревизовавшим Сибирское войско. Содержание с 1824 г. казачьих отрядов во внешних округах Омской области резко увеличило объем служебных обязанностей войска и требовало облегчения тяжести военной службы линейных казаков. Одной из мер, направленных на это, по мнению Гурко, должно было стать увеличение их численности за счет части местных крестьян [11]. Предложение Гурко было поддержано генерал-губернатором Западной Сибири князем П.Д. Горчаковым, начавшим работу по разработке проекта нового положения о Сибирском линейном казачьем войске.

Записка Горчакова, в которой речь, в частности, шла о необходимости зачисления в войсковое сословие нескольких тысяч государственных крестьян Тобольской и Томской губерний, чьи селения располагались в районе пограничных линий чересполосно с казачьими поселками, получила одобрение Николая I. Обсуждая механизм осуществления этой меры с министром государственных имуществ, генерал-губернатор Западной Сибири так обосновывал ее принудительный характер: «Испрашивать же на то согласия обывателей, кажется мне, в сем случае излишним. [...] Не подлежит сомнению, что большая часть желающих перейти на новые места для избежания поступления в казаки потерпит значительные для себя убытки более по прихоти, чем для существенной себе пользы. Что же касается до опасения утратить новых пришельцев и тем остановить полезное переселение казенных крестьян из внутренних губерний, то пример 3000 душ, раскинутых на пространстве 2000 верст и водворенных большей частью за пограничной чертою, не дойдет даже до их сведения» [11. Л. 30–30 об.].

Государственные крестьяне 43 селений Курганского, Ишимского, Омского уездов Тобольской губернии и Бийского уезда Томской губернии стали казаками на основании нового положения о Сибирском линейном казачьем войске, утвержденного 5 декабря 1846 г. [12]. Они освобождались от во-

енной службы на два года и в течение этого времени выполняли только земские повинности. По окончании льготного срока они распределялись «по способностям своим» в полки. Лица, достигшие 35-летнего возраста, без прохождения службы в строевых частях сразу назначались в резервные команды [13]. Обращенные таким образом в казачье сословие около 14 тыс. человек обоего пола составили более 21 % населения войска [14. С. 74].

Если в основе первого массового зачисления крестьян в Сибирское войско лежало стремление местных властей несколько ослабить напряженность казачьей службы, а также создать единый массив войсковых земель, то в дальнейшем подобные мероприятия проводились, главным образом, с целью военно-хозяйственной колонизации Киргизской степи.

С середины 1840-х гг. началось выселение во внешние округа казаков двух полковых округов. Однако, по мнению Горчакова, «...для образования русского населения в Киргизской степи» этого было недостаточно. По его инициативе правительство приняло решение о переселении в Кокчетавский внешний округ 3600 малороссийских казаков и государственных крестьян Оренбургской и Саратовской губерний, желавших войти в состав войскового сословия. Будущим казакам предоставлялся ряд пособий и льгот. Со стороны правительства каждой семье полагалось путевое пособие по 7 коп. в сутки на человека и 55-рублевое пособие на строительство жилья и приобретение скота. С переселенцев слагались все недоимки по податям и земским повинностям, в течение двух лет они обеспечивались продовольствием. Со стороны войска им выделялось зерно для посева с возвратом его через 3 года, отводилось по 30 десятин земли на каждую мужскую душу, а также предоставлялась 2-летняя отсрочка от службы со времени прибытия в новые поселения.

В 1849–1851 гг. в Сибирское линейное казачье войско было переселено более 7 тыс. крестьян из Мензелинского, Оренбургского, Челябинского, Уфимского, Бугульминского и Бузулукского округов Оренбургской губернии, Новоузенского и Кузнецкого округов Саратовской губернии и Старобельского округа Харьковской губернии [15]. Они были водворены в 12 новых станицах: Лобановской, Чалкарской, Имантавской, Аиртавской, Арык-Балыкской, Нижне-Бурлукской, Акан-Бурлукской, Верхне-Бурлукской, Якши-Янгизтавской, Котуркульской, Щученской и Зерендинской. Впоследствии из этих станиц был сформирован новый полковой округ.

Политика, начатая князем П.Д.Горчаковым, была продолжена сменившим его в 1851 г. на посту генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенантом Г.Х. Гасфордом: в 1854 г. он разработал план военно-хозяйственной колонизации Заилийского края. Г.Х. Гасфорд был убежден, что для закрепления его за Россией требовалось «...увеличение не столько числа строевых казаков, сколько

всей массы русского населения для развития земледелия, горной и другой промышленности». Поэтому он предлагал создать в крае постоянные поселения с русским, преимущественно казачьим, населением. Новые поселения предполагалось основывать на реках Алмате, Лепсе и Карабулаке, куда кроме части линейных казаков должны были переселиться с зачислением в войсковое сословие 500 крестьянских семей из Европейской России [16]. Им планировалось предоставить те же льготы, что и переселенцам 1849–51 гг.

Ознакомившись с предложениями Гасфорда, министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев выразил сомнение в том, что крестьяне из Европейской России согласились бы добровольно переселиться «...в столь отдаленный и малоизвестный край с зачислением в войско, об обязанностях которого они не имеют понятия». Поэтому он высказался за привлечение для переселения в Заилийский край крестьян сибирских губерний, которые «...приобвыкли к климату и знакомы с местными отношениями». Николай I согласился с мнением Киселева и распорядился водворять в новых поселениях «охотников» из сибирских крестьян. Крестьян из Европейской России было разрешено вызывать только в последнюю очередь [17].

К концу 1855 г. о своем желании переселиться в Заилийский край заявили 444 семьи сибирских крестьян: из Туринского округа – 8, из Тюменского – 57, из Ишимского – 12, из Ялуторовского – 178, из Курганского – 4, из Тарского – 12, из Омского – 118, из Каинского – 12, из Бийского – 43 [18]. В течение этого года переселенцы собирались в линейных станицах, а весной 1856 г. несколькими партиями по 50-100 семей направлялись к местам нового водворения. В апреле 1858 г., когда после двухгодичной льготы началось зачисление переселенцев на службу, в станице Алма-Атинской, Верхне-Лепсинской, Урджарской, Сарканской и в поселении на р.Или проживало 455 семей бывших крестьян и 29 семей солдат регулярной армии, которым также был разрешен переход в казачье сословие. Это переселение увеличило численность сибирских линейных казаков более чем на 3,5 тыс. человек обоего пола [19].

В ноябре 1856 г. Г.Х. Гасфорд направил военному министру записку о необходимости дальнейшего увеличения русского населения в Семиреченском и Заилийском краях. Для основания новых поселений на рр. Или и Коксу, которые позволили бы контролировать торговые пути из Кульджи и Ташкента, он предложил вызвать 300 семей «охотников» из числа сибирских крестьян с зачислением их в казаки. Другие 100 семей потенциальных казаков он планировал поселить на пикетах у дороги, соединяющей Заилийский край с Иртышской линией. Новые переселенцы должны были получить те же льготы и пособия, что и их предшественники [20]. 12 марта 1857 г. Сибирский комитет нашел «полезным и необходимым» это предложение гене-

рал-губернатора Западной Сибири и одобрил его. 25 марта 1857 г. решение комитета утвердил Александр II.

Однако на этот раз «охотников» для переселения не нашлось. Поэтому Г.Х. Гасфорд решил использовать ряд мер принудительного характера. По его инициативе Сибирский комитет принял Высочайше утвержденное 19 апреля 1858 г. решение о выселении в Киргизскую степь с зачислением в казаки прибывающих в сибирские губернии самовольных переселенцев. К тем из них, кто уже обосновался на новом месте, эта принудительная мера применялась только в том случае, если они «...не приобрели еще прочной оседлости». Другим решением Сибирского комитета, Высочайше утвержденным 12 апреля 1859 г., такому же переселению в степь подлежали сибирские крестьяне, за которыми числились недоимки, превышавшие размер их годового оклада [21].

Выявление таких лиц местными властями требовало определенного времени, что обусловило характер начавшегося переселения: оно происходило небольшими партиями и растянулось на нескольких лет. Так, предписанием генерал-губернатора в июне 1860 г. в Заилийский край была направлена 21 семья крестьян (135 чел. об. пола) из губерний Европейской России, самовольно поселившихся в

Смоленской волости Бийского округа Томской губернии. Еще 42 семьи самовольных переселенцев (251 чел. об. пола) из Томского, Мариинского, Каинского округов той же губернии были отправлены к месту нового жительства весной 1861 г. и т. д. [22].

Таким образом, формирование сибирского линейного казачества в дореформенный период происходило путем его естественного и механического прироста, хотя соотношение этих источников не было постоянным. Если до середины 1840-х гг. преобладал естественный прирост, то со второй половины 1840-х гг. резко возрастает роль «искусственного» увеличения численности войскового сословия за счет массовых зачислений. В отдельные годы механический прирост становится главным источником пополнения сибирского линейного казачества. В состав последнего зачислялись представители различных социальных групп. В течение нескольких десятилетий это были преимущественно те, кто по разным причинам еще не был приписан к какому-либо сословию, а со второй половины 1840-х гг. — государственные крестьяне, добровольно или принудительно зачисляемые в войско специальными правительственными распоряжениями. К началу 1861 г., накануне коренной реформы войска, бывшие государственные крестьяне составляли более 1/4 его казачьего населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. — СПб, 1830. — Т. XXX. — № 23239.
2. Успенев Г.И. Казахи в составе Сибирского казачьего войска // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. областной науч. конф. по этнографии. — Омск, 1984. — С. 141–142.
3. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 223. Л. 19–26.
4. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. — Сургут: Северный дом, 1993. — 464 с.
5. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 295. Л. 29 об.
6. Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска (1725–1861). — Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. — Т. 1. — 428 с.
7. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. — Омск, 1891. — 256 с.
8. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Л. 268; Д. 93. Л. 85–86.
9. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 252. Л. 633–640.
10. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 609. Л. 289–289 об.; Д. 679. Л. 260 об.
11. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 168. Л. 5 об.
12. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 527. Л. 19 об. — 20 об.
13. Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе. — СПб, 1847. — Т. XXI. — Отд. 2. — № 20671.
14. Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. — Омск, 1879. — 282 с.
15. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 536. Л. 188–192, 217–221 об., 242, 245–247 и др.; Д. 591. Л. 777 об., 853–870, 873–884, 886, 935–935 об., 1012–1021 и др.
16. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–2 об.
17. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 248. Л. 7 об. — 8.
18. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 698. Л. 67, 71–74, 79, 81, 83, 85.
19. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 763. Л. 88–112, 121–145, 146–148, 156–163.
20. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 256. Л. 5 об. — 7 об.
21. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4451. Л. 7 об. — 8.
22. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 20. Д. 20. Л. 1, 50, 172, 184.

Поступила 14.04.2006 г.